

4TH INTERNATIONAL NOWRUZ CONFERENCE ON SCIENTIFIC RESEARCH

March 18-21, 2021
Karabagh, Azerbaijan

THE BOOK OF FULL TEXTS VOLUME-II

EDITORS

Prof. Dr. Ramazan GAFARLI
Dr. Mustafa Latif EMEK

All rights of this book belong to ISPEC Publishing House
Authors are responsible both ethically and juridically

ISPEC Publications - 2021©

Issued: 10.04.2021

ISBN: 978-625-7636-30-8

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ СТИХОТВОРЕНИЯ МАГТЫМГУЛЫ ПЫРАГЫ (МАХТУМКУЛИ ФРАГИ) «НОВРУЗ»

FEATURES OF CONTENT AND FORM OF POEMS OF MAGTYMGULY PYRAGY (MAKHTUMKULI FRAGI) "NOVRUZ"

Доктор филологических наук, профессор Николай Васькив
Киевский университет имени Бориса Гринченко (Киев, Украина)
ID ORSID: 0000-0003-3909-1213

Doctor of Philology, Professor Mykola Vas'kiv
Borys Grinchenko Kyiv University (Kyiv, Ukraine)
ID ORSID: 0000-0003-3909-1213

АННОТАЦИЯ

Праздник Новруз закономерно нашел отражение, воспевание в календарно-обрядовом фольклоре, прежде всего – в фольклоре тюрков-огузов. В украинском календарно-обрядовом фольклоре был аналогичный жанр «веснянки», в котором радостно воспринимались пробуждение природы после зимы, теплые лучи солнца, расцветание растений, начало сельскохозяйственных работ. Соответствующие черты присущи и произведениям тюркского фольклора, воспевающие приход Новруза. Со временем фольклорные мотивы и образность, отличающиеся жизнеутверждающим смыслом, перешли в письменную литературу. Так, в украинской литературе стали классикой веснянки Леси Украинки и Ивана Франко.

В подобной стилистике написано и стихотворение «Пришел Новруз» Шейдаи, современника Магтымгулы Пырагы. Этот мухаммас отличается жизнерадостностью, восхищением красотой весенней природы. Пробуждение природы закономерно ассоциируется с пробуждением любви, когда даже безответная любовь вызывает светлые чувства. Содержанию произведения соответствует форма: 11-сложные стихи читаются бодро, в быстром темпе.

«Новруз» классика туркменской литературы Магтымгулы Пырагы (XVIII век) состоит из пяти мусабба – семистрочных строф. Величественный неспешный, эпически разлогий ритм строф создают прежде всего 16-сложные строки, приближающиеся по длине к гекзаметру Гомера. Если произведение Шейдаи было преисполнено жизнерадостностью, то у Магтымгулы «Новруз» исполнен торжественностью, непостижимым величием природы. Постепенно от мира природы поэт переходит к миру людей. Поэту и читателям открывается вечное противоречие и вечный синтез «мира, исполненного жизни», и «мира преходящего и тленного». Это заставляет осмыслить свой жизненный путь и предназначение, перед которыми тленны «жажда наживы», богатство, разбой.

В последние годы жизни произведения Магтымгулы были преисполнены пессимистическими чувствами. Похожие чувства доминируют в последней строфе-мусабба «Новруза». Поэт посылает себе горькие упреки за то, что «растерял ты мечты

свои, жизнью пустой увлеченный». Безрадостная старость кажется ему достойной расплатой за грехи молодости, в чем он искренне раскаивается. Но праздник Новруз пробуждает надежды на, казалось бы, невозможное, «чтобы стала душа из пустыни цветущей поляной».

Ключевые слова: Магтымгулы Пырагы, мотив, веснянки, мусабба.

ABSTRACT

The Novruz holiday naturally found reflection and chanting in the calendar and ritual folklore, primarily in the folklore of the Oguz Turks. In the Ukrainian calendar and ritual folklore there was a similar genre of “vesnyanky”, in which the awakening of nature after winter, the warm rays of the sun, the blossoming of plants, the beginning of agricultural work were joyfully perceived. Corresponding features are inherent in the works of Turkic folklore praising the arrival of Novruz. Over time, folklore motifs and imagery, distinguished by a life-affirming meaning, passed into written literature. So, in Ukrainian literature, vesnyankas’ of Lesya Ukrainka and Ivan Fanko have become classics.

The poem “Novruz has come” by Sheidai, a contemporary of Magtymguly Pyragy, was also written in a similar style. This muhammas is distinguished by its cheerfulness, admiration for the beauty of spring nature. The awakening of nature is naturally associated with the awakening of love, when even unrequited love evokes bright feelings. The form corresponds to the content of the work: 11-complex verses are read cheerfully, at a fast pace.

“Novruz” a classic of Turkmen literature Magtymguly Pyragy (XVIII century) consists of five musabba – seven-line stanzas. The majestic, unhurried, epically unlocking rhythm of the stanzas is created primarily by 16-complex lines, approaching in length to Homer’s hexameter. If Sheidai’s work was full of cheerfulness, then Magtymguly’s Novruz is filled with solemnity, the incomprehensible greatness of nature. Gradually, the poet moves from the natural world to the world of people. The eternal contradiction and eternal synthesis of “a world filled with life” and a “world that is transitory and perishable” is revealed to the poet and to the readers. This makes you comprehend your life path and destiny, before which are corruptible “greed for profit”, wealth, robbery.

In the last years of his life, Magtymguly’s works were filled with pessimistic feelings. Similar feelings dominate the last musabba stanza of Novruz. The poet sends himself bitter reproaches for the fact that “you have lost your dreams, carried away by empty life”. Joyless old age seems to him a worthy payment for the sins of youth, for which he sincerely repent. But the Novruz holiday awakens hopes for the seemingly impossible “so that the soul from the desert becomes a blooming meadow”.

Keywords: Magtymguly Pyragy, motive, vesnyanka, musabba.

Бытие древних народов определялось прежде всего природным календарем, что и обусловило установление соответствующих праздников и характер их празднования. Началом Нового года считалась весна, когда природа пробуждается, когда начинался новый цикл сельскохозяйственных работ. Празднование Нового года чаще всего приурочивали ко дню весеннего солнцестояния, то есть на 21 марта. С древнейших времен исходят традиции празднования Новруза тюркскими и иранскими народами. На март приходились и новогодние праздники у древних славян. Кстати, профессор Харьковского университета А.А. Потебня считал, что украинские календарно-обрядовые праздники, в том числе новогодние, восходят в восточной мифологии, прежде всего иранской и индийской [1, с. 11]. Это объясняет и то, что древние календарные праздники по времени не совпадали, например, с римскими и у других западноевропейских народов. До сих пор молдаване и румыны празднуют с 1-го по 31-е марта мэрцишор – праздник встречи весны, аналогичный к древнему празднованию Нового года. В Болгарии этот праздник носит название Баба Марта.

Несомненно, календарно-обрядовые праздники находили свое отображение прежде всего в календарно-обрядовой поэзии. Например, такими в украинском фольклоре были веснянки и щедровки. Во всемирно известной щедровке «Щедрик» в обработке Н. Леонтовича, известной в англоязычном варианте как «Carol of the Bells», не случайно упоминается, что прилетела ласточка, хотя сейчас исполняют щедровки с 14 января. Произошел процесс инкорпорации языческих праздников в христианский календарь. Точно так же Новруз у иранских и тюркских народов органично влился в исламский календарь.

Фольклорные произведения, посвященные Новрузу, отличаются традиционными мотивами: приход весны; пробуждение всей природы; радость человека, землепашца, который пробуждается к жизни вместе с природой; благодатное тепло солнечных лучей; ждущая оплодотворения семенем земля; пробуждение любовных чувств у человека, восторженная вера в их реализацию и т. д. Вот, например, как это воспевают туркменский фольклор:

Вновь улыбнулся Новруз, и росой
Розы в саду он пробудил от сна.
Капли дождя, как жемчужный узор,
Щедры везде разбросала весна.

Эти же мотивы переходят и в авторскую поэзию. Особенностью становится то, что календарно-обрядовый характер такой лирики дополняется личностными и даже общественно-политическими мотивами. Например, в известном цикле И. Франко «Веснянки» пробуждение природы ассоциируется прямо или опосредованно с пробуждением человека, пахаря, народа: «Встань, / встань, пахарь!»; «Эй, братья <...> /

Сейте в головах думы вольные, / В сердцах жажду братолюбия» («Греет солнышко. Улыбается небо ясное...»), «Гремит! Тайная дрожь пронимает народы <...> / Те тучи – плодотворной будущности тени, / Что человечество, как красна весна, обновит. / Гремит!» («Гремит! Благодатный час наступает...»). А в стихотворении Леси Украинки «Веснянка» личные мотивы доминируют на календарными, собственно, только опосредованно идет речь о борьбе весны з зимой. В свою очередь, одноименное стихотворение Леонида Глибова почти полностью написано в традициях украинского календарно-обрядового фольклора, разве что сквозь призму детского восприятия праздника прихода весны.

Похожие процессы происходили и в туркменской авторской поэзии. Отличие в том, что приведенные примеры украинской лирики были написаны во второй половине XIX века, а те примеры туркменской лирики, которые будем анализировать, были созданы на столетие раньше. Еще одна особенность туркменских произведений (как и, очевидно, других тюркских и персидской литератур), посвященных празднованию Новруза, – это включение суфийских мотивов и символики: ведь весна и любовь – такие же неотъемлемые атрибуты поэзии о Новрузе, как и суфийский лирики. По крайней мере, рассмотрение стихотворения Магтымгулы Пырагы «Новруз» без учета этого фактора будет неполным.

Прежде чем проанализировать его, стоит обратиться к стихотворению современника Магтымгулы – известного туркменского поэта Шейдаи – «Пришел Новруз».

Пришел Новруз – весь мир цветет сегодня.

О розе соловей поет сегодня.

Ликуя, сердце радость пьет сегодня.

Любовь везде, во всем живет сегодня.

В пустыне – счастья сад растет сегодня.

Пришел Новруз – цветы принарядились.

Пурпурный, белый – золотом покрылись.

В цветник земля и небо превратились.

В восторге страсти воли мы лишились.

Грех тяжкий душу не гнетет сегодня.

В челне Новруза розовые лица;

С рубинов губ нектар речей струится.

Стан – кипарис. Лицо откроешь, – впиться

Готовы стрелами твои ресницы.

Смерть – всех, в тебя влюбленных, ждет сегодня.

В садах зеленых девушки гуляют,

Подобно розе, сердце озаряют, –

Луне подобно свет распространяют,

Красою Шейдаи ошеломляют, –

К их лицам взор влюбленный льнет сегодня.

Перевод В. Пермякова

В этом стихотворении проявляется версификационное мастерство поэта, традиционное для Востока. Произведение написано 5-строчными строфами – мухаммасом – с соответствующей рифмовкой (aaaaa bbbba cccca dddda), рифма в первой строфе и последних стихах каждой последующей строфы усложнена редифом «сегодня» и четко звучит перед этим редифом также в русскоязычном переводе.

Эмоциональный темпоритм стихотворения бодрый, жизнерадостный, оптимистический, то есть вполне соответствует духу фольклорных произведений о Новрузе и настроению, связанному с этим праздником. Традиционны также мотивы поэзии в первых двух строфах: пробуждение природы, буйно цветущие растения, обязательное упоминание о розе, которая еще только пробудилась к жизни и обязательно ярко и пышно расцветет в будущем, превратившаяся в сад пустыня и связанные с ними чувства радости, счастья, любви. В следующей строфе в таком же жизнерадостном духе, с романтически-сентиментальным пафосом описывается красота юных девушек с использованием все так же традиционных сравнений стана с кипарисом, ресниц – со стрелами, губ – с рубинами. Подобные сравнения девушек с розой и луной переходят в следующую строфу, обобщая безлично, что «к их лицам взор влюбленный льнет сегодня». Но, хоть и в одном лишь стихе, звучит также и личностное восприятие изображенного («Красою Шейдаи ошеломляют»). Правда, и этот личностный мотив скорее традиционный, поскольку традиция требует упомянуть в последней строфе поэтический псевдоним – тахуллус – поэта.

Стихотворение Магтымгулы Пырагы «Новруз» написано значительно реже встречающейся, чем мухаммас, 7-строчной строфой – мусабба, всего пять строф с классической рифмовкой aaaaaa bbbbbb ccccca dddddd eeeeea.

Наступает Новруз. Мир прекрасен в великом и малом,
После вешней грозы покрываются горы туманом,
Каждый новый росток к солнцу гостем является званым,
Покрываются скалы полынью, плющом и бурьяном.
В скалах птицам раздолье – беспечным весенним горланам.
Там цветы, исходя ароматом и терпким и пьяным,
Человека и зверя зовут к травянистым полянам.

Прорубая ходы под землю сквозь трещины-щели,
Встало племя побегов, справляя пору новоселий.
Над пустыней звенят голубых колокольчиков трели.
Язычками листвы там кустарник болтает без цели.
Муравьи закружились, как будто они охмелели.
Каждый птенчик свой голос считает нежнее свирели.
Мир смеется, качается, бродит счастливым и пьяным.

Торжествующий голос Новруза звучит во вселенной,
Нелегко от цепей его звонких избавиться пленным.
Мир, исполненный жизни, и мир, преходящий и тленный,
Лишь познавшему мудрость является попеременно.
Жизнь без истины в мире подобна монете разменной.
Да услышат рожденные голос возмездия медный,
Те, что нынче пришли заселить полуденные страны.

Берегись, если жажда наживы владеет тобою,
Переменчивый ветер развеет богатство любое.
В златотканной парче будешь злою настигнут судьбою,
Проклянешь свои дни, свое семя, живущий разбоем.
Рядом трудятся люди, а праздный доволен собою.
Бодрым будь и от зла отмежуйся двойной городьбою.
Зло посеявший в мире пожнет его поздно иль рано.

Плачь, Фраги, в день Новруза суровой бедой удрученный.
Жизнь твоя под луною кому не покажется черной?
Растерял ты мечты свои, жизнью пустой увлеченный.
С пепелища души твои вздохи и стоны никчемны.
Тщетно молишь Аллаха, со счастьем своим разлученный.
Тщетно всадника ждешь ты с надеждою неизреченной,
Чтобы стала душа из пустыни цветущей поляной.

Перевод А. Тарковского

На первый взгляд, образы и мотивы произведения Пырагы во многом совпадают с теми образами и мотивами, которые присущи фольклору и стихотворению Шейдаи. На самом деле есть существенные различия, которые дают понять, в чем разница между великим поэтом Шейдаи и гениальным Магтымгулы. Если у Шейдаи образы преимущественно традиционны, даже в некоторой степени шаблонны (роза, соловей и т. п.), обобщенно-абстрактны (даже красавицы упоминаются и описываются с помощью тропов – «общих мест» восточной поэзии), то большинство из образов Пырагы оригинально-неповторимы, действительно конкретно-чувственны (покрытые полынью, плющом и бурьяном скалы; окутанные послегрозовым туманом горы; голубые колокольчики; кустарниковые «язычки листвы», муравьи, поющий «каждый птенчик», а не обезличенные птенчики и т. д.).

В начале третьей строфы автор подводит своеобразный итог воспроизведенной многообразной и чувственной картины весны в родном краю: «Торжествующий голос Новруза звучит во вселенной». И это торжество природы и высших сил околдовывает каждого («Нелегко от цепей его звонких избавиться пленным»). И если у Шейдаи личностно-чувственное восприятие Новруза и всего с ним связанного проявляется всего в одном стихе, и то опосредованно, то у Пырагы подобное восприятие охватывает большую часть

стихотворения. Уже в третьей строфе мир природы переплетается с миром человека, его красота и совершенство, а также недолговечность (он потому таков красив и совершенен, что недолговечен) находят отражение в диалектическом восприятии лирическим героем, «познавшим мудрость»: «мир, исполненный жизни, и мир, преходящий и тленный <...>».

А дальше идет утверждение, что за все в жизни надо платить. Вероятно, здесь находит отражение суфийское положение о том, что человек (а не только Аллах) определяет свои поступки, делает выбор, поэтому ответственен за него («Да услышат рожденные голос возмездия медный»), поэтому каждый должен избегать «жизни без истины». Следующая строфа развивает эти положения: человек должен отрешиться от мирской суеты, сиюминутности, распространенных пороков, как то жажда наживы, погоня за богатством, разбой, праздность – вообще причинение какого-либо зла, ущерба другим людям. К этому призывает непревзойденная красота созданной Аллахом картины природы, достигающей совершенства именно во время Новруза.

В последней строфе предостережения и упреки, посылаемые другим людям, поэт переносит на себя. Мотив скорби, раскаяния за прежние прегрешения становится одним из наиболее распространенных в произведениях Магтымгулы последних лет жизни. Чаще всего они были преувеличенными, возможно даже, надуманными. Но тем не менее поэт уверяет, что растерял свои высокие мечты, «жизнью пустой увлеченный». Есть и скрытый намек на трагическую личную судьбу: автор «Новруза» навсегда потерял любимую Менгли, ставшую женой другого, родных братьев и родных сыновей. Поэтому и избрал поэт себе тахуллус Пырагы (Фраги) – Разлученный («Тщетно молишь Аллаха, со счастьем своим разлученный»). В старости он даже «в день Новруза суровой бедой удрученный». Но даже в условиях безнадежности он *contra spem spero* надеется духовное возрождение, «чтобы стала душа из пустыни цветущей поляной».

Во многом такие мотивы, самоупреки, раскаяние за грехи молодости являются характерными для европейской барокковой литературы, поэтому можно вести речь о творчестве Магтымгулы как о восточной аналогии европейского барокко, тем более что и по времени наблюдается определенная синхрония [Подробнее об этом в: 2, с. 66–84]. Контраст веселой разгульной молодости и никчемной, почти нищенской старости был основой многих произведений еще у Рудаки, но у него в ренессансном духе утверждается, что молодость такой полнокровной, расточительной и должна быть, а тяжесть старческих лет надо покорно принять. Магтымгулы, ссылаясь на свои мнимые грехи и раскаяние в них, констатируя и бичуя тотальную греховность и жестокость к человеку своего времени, призывает читателей смолоду «беречь честь», заботиться об исполнении божественного призвания человека, полностью посвятить себя служению Аллаху и людям.

Особо стоит отметить версификационное мастерство Пырагы в стихотворении «Новруз». Конечно, мусабба – строфа, требующая большего труда, чем мухаммас или

мусаддас, но одно то, что стихотворения написаны теми или иными из названных строф, еще не свидетельствует однозначно о превосходстве одних над другими (хотя мусабба, несомненно, требует значительно большего технического совершенства). Тем более что у Магтымгулы значительно больше произведений написано мухаммасами и мусаддасами, чем мусабба. Важно, насколько строфика, ритмика соотнобразуется с содержанием стихотворения.

Раньше в статье уже обращалось внимание на словосочетание «торжествующий голос». Можно констатировать: если ритмика стихотворения Шейдаи «Пришел Новруз» в сочетании с лексикой, тропикой создает бодро-радостный темпоритм, то очень длинные стихи 7-строчных строф «Новруза» Пырагы создает торжественно-величавый темпоритм. Около 80 % стихотворений Магтымгулы написаны 11-сложными стихами. Популярны также у него 13-сложники, но встречаются и 7–8-сложники, и 14–16-сложники, хотя и очень редки [1]. Как раз вот этими редкими стихами – по 16 слогов в каждом – написан «Новруз». По количеству слогов стихи этого стихотворения приближаются к Гомеровским гекзаметрам (17 слогов). Чем длиннее стих, тем больше он приближается к эпической плавности, возвышенной торжественности, к утверждению очень важных истин. Именно такими и являются стихи «Новруза» Магтымгулы. На них синергетически накладывается и объемность, эпичность больших по количеству стихов строф. Шесть-семь рифм в каждой строфе вызывают ощущение приближающейся к бесконечности долготы этой ритмической единицы, связующая все строфы рифма в последних стихах дает ощущение целостности этих больших долгот.

Содержание и версификационная форма стихотворения «Новруз» сливаются воедино сначала в создании яркой конкретно-чувственной картины буйствующей природы во время Новруза, превращающей даже пустыню в сад, цветник и сакрализованной самим праздником Нового года. Значение разлогих стихов и больших по количеству стихов строф становится еще более важным в последующих строфах, в которых поэт формулирует важные заветы и императивы для себя и других людей осмыслить свое божественное предназначение на земле, к чему побуждают величественно-радостные окружающие картины расцвета природы в дни великого праздника Новруза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Д. Народные основы стихосложения в поэзии Махтумкули : автореф. дис. ... канд. филол. н.; спец. 10.01.03 – литература народов СССР (туркменская литература). Ашхабад, 1979. 32 с.
2. Васьків М. Магтимгули Пираги (Махтумкулі Фрагі) : літературний портрет. Київ : АВІАЗ, 2019. 148 с.
3. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Т. I. Вінніпег–Торонто : Український Національний Видавничий Комітет, 1964. 156 с.